

«Великий кризис» в истории лингвистики и пути его преодоления

© 2020

Владимир Михайлович Алпатов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; v-alpatov@ivran.ru

Аннотация: Конец XIX и начало XX в. были периодом серьезного кризиса в истории языкознания. Некоторых лингвистов не удовлетворяла позитивистская парадигма, связанная со сравнительно-историческим языкознанием. По поводу преодоления этой ситуации были разные мнения, но в то время победила парадигма, предложенная Ф. де Соссюром. В статье рассматриваются причины этого.

Ключевые слова: история лингвистики, позитивизм, де Соссюр Ф., сравнительно-историческое языкознание, структурализм, теория языка

Для цитирования: Алпатов В. М. «Великий кризис» в истории лингвистики и пути его преодоления. *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 7–21.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.7-21

“The great crisis” in the history of linguistics and how it was overcome

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; v-alpatov@ivran.ru

Abstract: The end of the 19th and the beginning of the 20th century were a period of serious crisis in the history of linguistics. Some linguists were not content with the positivist paradigm related to the comparative-historical linguistics. There were different opinions on how to overcome this situation, but at that time, the paradigm proposed by Ferdinand de Saussure won out. The reasons for that are considered in the article.

Keywords: comparative linguistics, history of linguistics, linguistic theory, positivism, de Saussure F., structuralism

For citation: Alpatov V. M. “The great crisis” in the history of linguistics and how it was overcome. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 7–21.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.7-21

Хорошо известно, что в истории, вероятно, любой науки бывают как периоды спокойного развития, когда специалисты работают в рамках сложившейся научной парадигмы, так и эпохи смены парадигм, когда старые идеи и методы уже кажутся неудовлетворительными и происходят поиски нового. Эти поиски варьируются от предложений изменить отдельные фрагменты господствующей парадигмы при сохранении ее главных положений до попыток пересмотреть все принципы науки.

В истории науки о языке одним из примеров наиболее существенной смены парадигм был кризис научной парадигмы позитивизма, господствовавшей во второй половине XIX и начале XX в., и разные предложения того, как из этого кризиса выйти.

На протяжении большей части XIX в. велись постоянные споры о теориях и методах науки о языке (В. фон Гумбольдт, Ф. Бопп, Х. Штейнталь, А. Шлейхер и др.). Их последним всплеском можно считать формулировки Х. Остхофа и К. Бругмана о «законах, не знающих исключений», не принятые рядом языковедов. К 1880-м гг. споры в целом сменились некоторым «затишьем», хотя и тогда бывали несогласные ученые, чаще встречавшиеся на периферии тогдашней научной жизни, например в Казани. Выработался некоторый консенсус, тесно связанный с преобладавшим тогда в философии и большинстве наук позитивизмом.

Разумеется, наука о языке последней четверти XIX в. не сводилась к позитивистской лингвистике. Продолжало существовать исторически предшествовавшее позитивизму натуралистическое направление в лингвистике, особенно заметное во Франции [Стекольников 2020]; наиболее известным его представителем в 1870–1890-е гг. был британский ученый М. Мюллер. В его публикациях (см. их анализ в [Там же: 158–222]) сочетались передовые для своего времени идеи (строгое отделение лингвистики от филологии, постановка вопроса о гендерной лингвистике) и традиционная для XIX в. проблематика: происхождение языка, стадияльная типология. Для позитивистов сами эти проблемы были «метафизикой», не заслуживающей внимания. Это относилось и ко многим оригинальным идеям Мюллера. Например, он ставил вопрос о связи между лингвистической типологией и классификацией политических обществ: агглютинативный строй характерен для языков кочевников, а флективный строй — для языков в государствах [Там же: 174]. И все основные положения его теории декларировались и не допускали процедур проверки. Позитивистами биологическое направление уже не рассматривалось как серьезный противник. Так, например, оценивала Мюллера энциклопедия Брокгауза и Ефрона: «Лекции его по общему языкознанию, теперь совершенно устаревшие, с самого начала стояли ниже современного им уровня науки»¹.

Если натурализм постепенно уходил из науки о языке, то последователи Гумбольдта продолжали существовать. Однако, как позднее укажет В. Н. Волошинов [1928/1995: 262], тогда «направление значительно мельчало», сводясь к индивидуальной психологии, и достигнет «могучего расцвета» лишь несколько позже у К. Фосслера.

К позитивизму относилась, прежде всего, наиболее влиятельная в это время немецкая школа младограмматиков, но в этих же рамках работали и лингвисты других стран, среди которых особо следует отметить В. Томсена в Дании и Ф. Ф. Фортунатова в России. Впоследствии один из критиков позитивизма в лингвистике не без оснований писал, что младограмматики в отличие, например, от их непосредственного предшественника А. Шлейхера «в отношении теоретическом были бесплодны» [Бонфанте 1947/1964: 336], хотя в области открытия и интерпретации отдельных фактов они много трудились и продолжали получать несомненные и весьма значительные результаты. Им было свойственно, по выражению В. Н. Волошинова, «преклонение перед “фактом”» [Волошинов 1928/1995: 218].

Как уже в 1923 г. писал не принимавший идеи позитивизма Э. Кассирер, для представителей этого направления «познать какой-либо процесс (...) значило теперь не что иное, как разложить его на элементарные процессы» [Кассирер 1923/2002: 96]. На раннем этапе младограмматизм выдвигал теоретическое положение о непреложности звуковых законов, но затем и оно ушло на второй план, тем более что примеры исключений постоянно приводили критики. Но дело было не только в этих примерах: последовательное развитие позитивизма вообще отказывалось от теоретических положений. «Требование объяснения природных процессов по общим законам механизма оказывается, по мере того как чисто позитивистский идеал в науке действует все более и более строго, оттесненным; его место занимает более скромная задача описания процессов, происходящих по этим законам» [Там же: 97].

¹ А. М. Л. Мюллер. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 39. СПб., 1897, 359–360.

Позитивистский подход, в свою очередь опиравшийся на ранее сложившиеся идеи, как позже отмечал еще один его критик, «интересуется почти исключительно явлениями, доступными непосредственному наблюдению. (...) Всяду исходят из конкретного и чаще всего этим и ограничиваются» [Брёндаль 1939/1960: 40]. Для позитивистов «от законов языка не следует ожидать и требовать большего, чем подобного обобщенного выражения эмпирически наблюдаемых закономерностей» [Кассирер 1923/2002: 97].

Поэтому младограмматики не приняли идеи раннего Ф. де Соссюра о не оставивших следа в памятниках элементах. Они допускали реконструкцию элементов, непосредственно не зафиксированных в памятниках (праформы под звездочкой), но для них было важно отождествить каждый реконструируемый звук с каким-либо из наблюдаемых звуков. Однако физиологический характер результатов реконструкции Ф. де Соссюра оставался неясен. Таким образом, как указывает А. А. Зализняк [1977: 300], он «продемонстрировал здесь структурный принцип, согласно которому место фонемы в системе (...) составляет более существенную ее характеристику, чем ее вероятный фонетический облик». Но для позитивистов включение результата реконструкции в установленные рамки было важнее.

А в период, когда уже сложилась новая парадигма, ученые старых взглядов не принимали новаторов именно за отход от установленных принципов. Один из ранних учеников Ф. Ф. Фортунатова обвинял Н. Трубецкого и других представителей новой парадигмы в «слабосилии», «игре — рассуждениях без истории» и неумении «преодолевать подготовительную работу по изучению накопившихся данных по истории языков» (письмо А. И. Томсона Б. М. Ляпунову 1934 г., цит. по [Робинсон 2004: 175]). Младограмматики, в частности Б. Дельбрюк, считали, что хорошее описание языковых фактов совместимо с любой теорией.

Исторический подход вообще был свойствен науке XIX в., но у младограмматиков доходил до предела. В книге, где более всего затрагивались вопросы теории, сказано: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку усвоить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [Пауль 1880/1960: 43]. В составе науки о языке Г. Пауль выделял две части: собственно историю языка и науку, изучающую «общие условия жизни исторически развивающегося объекта и исследующую сущность и действительность факторов, равномерно представленных во всех изменениях» [Там же: 25], т. е. это, соответственно, частное и общее языкознание, обе науки исторические. Историческая грамматика противопоставляется описательной, которая «регистрирует все грамматические формы и правила, употребительные в данной языковой общности в данное время»; указано, что «*историческая грамматика* произошла от старой, чисто *описательной* грамматики» [Там же: 45]. Только описательный подход возможен при изучении современных языков, а объяснение зарегистрированных фактов должно было быть историческим и сводилось к выявлению их происхождения, что Э. Кассирер и др. не признавали подлинным объяснением.

Младограмматики и идейно близкие к ним ученые сосредоточились лишь на решении двух вопросов, поставленных еще их предшественниками, и здесь они достигли немалых результатов. Во-первых, это реконструкция праязыков на основе сравнительно-исторического метода. Во-вторых, это изучение исторических изменений более близких к нам по времени языков на основе анализа письменных памятников (здесь лингвистика постепенно отделялась от филологии, вырабатывая собственные методы). Иногда разграничивали две дисциплины, исследовавшие языки, соответственно, дописьменного и письменного времени.

Но позитивистская лингвистика не сводилась к реконструкции праформ и даже к исторической лингвистике в целом. Именно в этот период в ее рамках сложились две дисциплины, одна из которых полностью, а другая частично выходила за пределы требования обязательного историзма. Это были экспериментальная фонетика и диалектология. Первая из них принципиально может изучать только то, что происходит здесь и сейчас. Тем не менее позитивистская лингвистика создала эту дисциплину. Например, уже

упоминавшийся А. И. Томсон стал одним из основателей экспериментальной фонетики в России. В 1902 г. уже существовало разграничение антропофонии и психофонетики (в позднее установившейся терминологии, фонетики и фонологии), и С. К. Булич писал, что психофонетика в отличие от уже развитой антропофонии «не выходит пока из области научных *ria desiderata*», а антропофоника «имеет основное значение для исторической и сравнительной Ф., как это давно уже и поняли на Западе, где каждый языковед, занимающийся сравнительными исследованиями, обладает основательным знанием физиологии звука, или антропофонии»². То есть признавался приоритет фонетики, основанной на эксперименте с использованием приборов, а «бумажная» фонология считалась в лучшем случае делом будущего.

Однако экспериментальная фонетика, выходя за рамки чисто исторического подхода, оставалась в рамках позитивизма, поскольку была сосредоточена на регистрации наблюдаемых фактов. Эта дисциплина в истории языкознания стала первой, где началось изучение того, что происходит на самом деле; до изучения восприятия речи и тем более процессов в мозгу было еще очень далеко. Но был сделан очень важный шаг.

Что касается диалектологии, то она складывалась в связи с выдвинутым А. Шлейхером положением о том, что историческая лингвистика не должна игнорировать диалекты, так как там может сохраниться то, что не дошло до нас в письменных памятниках. Однако к концу XIX в. появился и интерес к данным диалектов самим по себе. Описательная диалектология стала развиваться во многих странах. Так, в России с 1903 г. активно работала Московская диалектологическая комиссия во главе с Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаковым, собравшая значительный материал по большому числу русских диалектов и выработавшая их классификацию. Всё это не выходило за рамки позитивизма.

В целом же можно сказать, что главным принципом позитивистской лингвистики был даже не историзм, который был свойствен и другим направлениям науки позапрошлого века, а сосредоточение, по выражению В. Брёндаля, на «явлениях, доступных непосредственному наблюдению», или выводимых из них по строго определенным правилам. Господство «преклонения перед “фактом”» и изгнание «метафизики»!

В данный период изучение современных языков иногда проводилось, но часто отдавалось практикам, а многие вопросы теоретической лингвистики, в том числе исторические, почти не рассматривались. После Шлейхера не было интереса не только к табуированному изучению происхождения языка, но и к проблемам причин языковых изменений или обоснования постулированных Шлейхером методов сравнительно-исторического языкознания, основанных на идее так называемого родословного древа языков. Если кто-либо ставил такие вопросы еще в рамках старой парадигмы, как И. А. Бодуэн де Куртенэ в начале своей деятельности, то это быстро выводило ученого за установленные рамки.

Разумеется, и в рамках старой парадигмы лингвисты могли выходить за пределы установленных ограничений вопреки собственным общим утверждениям. Это касалось не только фонетики и диалектологии. Фортунатов помимо реконструкций занимался и типологией, и (вполне синхронной) теорией грамматики, аналогичные примеры есть и в книге Пауля. Однако ограничения старались соблюдать. Это видно, например, в труде по истории языкознания, имеющемуся и в русском переводе [Томсен 1902/1938], где эта история сводится к описанию формирования и развития сравнительно-исторического метода. В русском издании Р. О. Шор должна была для полноты картины вводить дополнения, например, о В. фон Гумбольдте.

Но и в рамках двух основных задач младограмматические подходы вызывали критику, особенно за упрощенное понимание и схематизацию исторического развития языков, представляемого как однолинейный процесс. Иногда в роли критиков выступали и сами младограмматики. В одной из первых крупных их публикаций предлагалось покинуть «душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские

² Булич С. Фонетика. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 71. СПб., 1902, 240–249.

праформы», и выйти «на свежий воздух осязаемой действительности и современности» [Остхоф, Бругман 1878/1964: 191]. Однако призыв на деле не был реализован, и младограмматики остались в мастерской. Они, как и их предшественники, абсолютизировали материал письменных памятников и лишь изредка обращались к современным языкам и диалектам, если там сохранилось то, что исчезло в памятниках.

Еще одной чертой позитивистского языкознания, отличавшей его от подходов предшественников, был отказ от комплексности, сосредоточение на собственно лингвистических проблемах. Этот отказ имел разные причины. Во-первых, шел естественный процесс отработки методов исторической лингвистики, прежде всего, отграничения лингвистики от филологии, науки о текстах. Получилось так, что об этом процессе наиболее четко сказал противник позитивизма М. Мюллер: в филологии «язык употребляется только как средство», а в языкознании «язык сам по себе делается единственным предметом научного исследования»; цит. по [Вельмезова 2014: 49]. Но и лингвисты-компаративисты следовали этим принципам. Во-вторых, младограмматики и их последователи боролись с «метафизикой», использованием не подлежавших проверке теоретических положений, а они часто были заимствованы из других наук: философии, биологии, истории и др. Связи с этими науками игнорировались. Некоторым исключением была психология, которая как раз в это время впервые начала интенсивно развиваться. Младограмматики, особенно наиболее теоретичный Пауль, говорили об индивидуально-психологической природе языка, но это лишь способствовало их сосредоточению на отдельных фактах.

Уже с 1880-х гг. начались критические выступления против вышеописанного подхода. Наиболее известным в конце XIX в. критиком младограмматизма был Г. Шухардт. Он постоянно указывал на упрощенные подходы, распространенные в этой школе, особенно на тезис о фонетических законах, не знающих исключений, от которого и сами младограмматики постепенно отходили. Осуждал он этих языковедов и за подчеркнутый эмпиризм, отказ от выявления причинно-следственных отношений в истории языков, а также за то, что они «не придают значения сравнительному изучению неродственных языков» [Шухардт 1885/1964: 311]. Последняя проблема тоже была табуирована у младограмматиков, поскольку единственной научной классификацией языков они считали генетическую, тогда как прочие сопоставления языков ассоциировались с решительно отброшенной стадийной «метафизикой». Самого Шухардта интерес к такому изучению привел к формулированию важнейшего для последующей лингвистики понятия эргативности и к его пионерским ее исследованиям. Подчеркивал он и то, что «всякое частное языкознание переходит в общее, должно быть составной частью его» [Там же: 312], тогда как младограмматики были заняты, прежде всего, решением частных вопросов, не допуская «метафизики». В то же время сильный в критике Шухардт, справедливо указывая на прямолинейное понимание закона у младограмматиков, отказывался принимать выделение законов даже как удобных рабочих приемов, не предлагая строгой альтернативной методики. Тем самым он вообще отрицал закономерности в языковых изменениях. Шухардт сохранял понимание языкознания как исторической науки и в целом не вышел за пределы старой парадигмы, хотя весьма основательно ее критиковал, и в итоге не создал значимой научной школы.

В ту же эпоху существовала критика позитивистской науки с совершенно других позиций, восходящих к В. фон Гумбольдту. Ср. в [Фосслер 1904/1964: 327]: «язык изучают не в процессе его становления, а в его состоянии. Его рассматривают как нечто данное и завершенное, т. е. позитивистски. Над ним производят анатомическую операцию»; «живая речь разлагается на предложения, члены предложения, слова, слоги и звуки». Такой подход сравнивается с подходом к человеку в анатомии: «Это всегда остается механическим разрушением организма, а не естественным расчленением». На самом же деле «имеет место причинность обратного порядка: дух, живущий в речи, конструирует предложение, члены предложения, слова и звуки — все вместе»; «история языкового развития есть не что иное, как история духовных форм выражения» [Там же: 328, 329].

Безусловно, критика позитивистской парадигмы здесь глобальна и затрагивает не только идеи младограмматиков, являвшихся и для К. Фосслера непосредственным объектом критики, но многие черты, общие даже не для лингвистики XIX в., а для всей европейской науки о языке начиная с Александрии. В то же время он также сохранял понимание лингвистики как исторической науки. Его идеи, довольно популярные в начале XX в., затем ушли на периферию языкознания, тем не менее оказав влияние на М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова.

Уже в 1923 г., позже издания книги Ф. де Соссюра, появился труд философа-неокантианца Э. Кассирера, представлявший собой один из томов большого сочинения, посвященного различным видам символических функций — принципов, оформляющих дух и создающих мир (наряду с религией, наукой, искусством и др.). Автор писал, что чисто философский подход к языку у него продолжает традиции В. фон Гумбольдта, позднее искажавшиеся привлечением психологии [Кассирер 1923/2002: 8]. Труд Кассирера ценен очерком истории философии языка, рассмотренной под общим углом зрения. Философия интересует его больше, чем лингвистика, в то же время в книге приводится большое количество фактов из многих языков, особенно языков «примитивных народов». Впрочем, они берутся из вторых рук и часто недостоверны. Например, таково большинство примеров из японского языка. Вот один из них: «Предложение вроде “снег идет” звучит по-японски как “снегопад есть”» [Там же: 213], хотя в этом языке частотно и приводится в любом словаре предложение *Yuki ga furu* ‘Снег идет’; о японском языке см. также [Там же: 147, 193–194].

Но главное даже не в этом. Цель Кассирера — выявить «основное направление языкового развития» [Там же: 257], которое постепенно формирует в любом языке понятия пространства, времени, числа и пр. Он прямо пишет: «Хотя языки и отличаются друг от друга частной “точкой зрения на мир”, но в то же время существует особый взгляд на мир языка как такового» [Там же: 223]. То есть имеется единый такой взгляд, к которому приближаются с разной скоростью и неодинаковым образом все языки. Мы имеем дело с вариантом, казалось бы, преодоленной идеи стадий. В частности, на ранних этапах развития языков выделяются «ступени созревания» языка: мимическая, аналогическая и собственно символическая [Там же: 120]. Какие-то особенности ранних этапов могут исчезнуть в одних языках и сохраниться в других: например, тоновые языки вроде китайского сохраняют связь с «мимической сферой» [Там же: 123]. В развитии понятия времени ученый считал, что первичным всегда будет разграничение «сейчас — не сейчас», а потом начинают разделять законченные и незаконченные, постоянные и преходящие действия и т. д. [Там же: 150].

В один год с первым изданием книги Кассирера появилось «новое учение о языке» Н. Я. Марра, где также была попытка возрождения идеи стадильности. Идея у Кассирера имела несколько иной вид, чем у Гумбольдта или Марра: хотя ведущим принципом развития он считал движение от конкретного к абстрактному, но он допускал, что разные ступени могут существовать параллельно [Там же: 223]. Поэтому он не предлагал набор конкретных стадий; тем не менее, сходство было, недаром Марр использовал некоторые идеи Кассирера.

Кассирер резко осуждал позитивизм и исходил из необходимости объяснительного подхода. Однако в поисках нового он выступил с идеями, уже оказавшимися архаичными. Само постоянное упоминание «языков примитивных народов» было уже не ко времени. Он признавал: «Современное языкознание все дальше уходило от попыток проникновения в первобытные времена» [Там же: 190], а он шел против течения. И оказав влияние на развитие идеалистической философии, идеи ученого не получили развития в лингвистике.

Нельзя не упомянуть такого бескомпромиссного противника старой парадигмы, как Марр. Испытав в начале деятельности влияние Шухардта, он затем пошел своим путем, поставив перед собой задачу самостоятельно создать «новое учение о языке», то есть новую парадигму. Даже его критики были вынуждены признать, что в полемике с младограмматизмом он бывал и прав [Thomas 1957: 142]. Если отвлечься от политических ярлыков

(постоянных для позднего Марра), то окажется, что его критика не так уж отличается, например, от взглядов, которые высказывал уже в 1925 г., когда можно было подводить итоги младограмматизма, ученый нового поколения и новой парадигмы Г. О. Винокур. Он писал, что звуковые законы не раскрывают культурно-историческое содержание языка, получается не история языка, а история звуков, результаты реконструкций нельзя верифицировать, не решается проблема социального в языке, а компаративистика ничего не дает для изучения современных процессов [Винокур 1925: 11–13].

Но критика Марра была более глобальной. Винокур перечисляет проблемы, в той или иной мере затрагивавшиеся в лингвистике начала XX в., а Марр постоянно говорил и о том, что в итоге не получило там отражения: о происхождении языка, «доистории человеческой речи», будущем едином языке человечества. В этом ряду оказалась и семантика, на центральное место которой в науке о языке указывал Марр, а позже и его ученик В. И. Абаев. Структурная лингвистика не смогла ко всему этому подступиться.

Марр не принимал подчеркнуто эмпирический подход младограмматиков и, сохраняя понимание языкознания как исторической науки, стремился выявить общие закономерности развития языков. Для этого он пытался взять на вооружение гигантский эмпирический материал, и в результате в любом его сочинении присутствует огромное количество примеров из самых разных языков, которые, однако, очень часто оказываются «не переваренными». Сам он признавал: «В основе яфетического учения об языке лежит не “теория”, а массовый языковой материал вне всяких общепринятых теоретических построений. Имену ю смелость утверждать, что я излагаю лишь то, что диктуют и диктовали эти разнообразнейшие массовые языковые материалы» [Марр, I: 198].

Марр ощущал, что стандартные грамматики упрощают языковую реальность. Он постоянно критиковал историческое языкознание его времени за преимущественный интерес к письменным источникам (действительно имевший место) и призывал перенести исследовательскую работу «с письменных норм на нормы массовой живой речи и ее живых говоров» [Марр, I: 270] и «на бесписьменные языки культурно поработанных народностей» [Марр, III: 34]. Такие высказывания, разумеется, имели успех в СССР 1920–1930-х гг., а указанный перенос тогда во многом уже происходил, но не столько в историческом языкознании, сколько в синхронных описаниях современных языков, которые шли помимо Марра.

Лингвистика и в Александрии, и во времена Марра сводила язык к системе правил, игнорируя языковую стихию. Недовольство подобным подходом, как известно, выражал еще Гумбольдт [1984: 70]: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли. В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности (...) По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи (...) Расчленение языка на слова и правила — это лишь мертвый продукт научного анализа». Об этом же говорил и Фосслер, отвергая «анатомический подход». И Марр в других выражениях (в его среде не было принято говорить о «духе») имел в виду то же самое: учет обширного, неоднородного и противоречивого языкового материала во всей его полноте.

Но идеи Гумбольдта, замечательные сами по себе, мало что давали для конкретных исследований и во времена самого Гумбольдта, и во времена Марра. А если они использовались, то после адаптации, ср. понятие внутренней формы у Гумбольдта и А. А. Потебни. «Несмотря на то, что идеи Гумбольдта сохраняли высокую авторитетность на протяжении как большей части XIX, так и XX века, в конкретных описаниях истории и структуры различных языков они фактически не отразились» [Гаспаров 1996: 21]. Была богатая теория, но не было метода. А школа Фосслера лишь декларировала обращение ко «всей совокупности актов речевой деятельности» и сосредоточилась на одной, хотя и очень важной проблеме: отражении в языке человеческой индивидуальности.

Марр отвергал существующие правила, но не смог их заменить чем-либо убедительным. Он пытался охватить все известные ему языковые явления, не владея каким-либо методом и придумывая разные объяснения, не основанные на фактах и часто откровенно фантастические; во многом они подогревались факторами, лежавшими вне науки. Как писал впоследствии его ученик, у Марра «синтез решительно преобладал над анализом, обобщения над фактами», при активности творческого центра Марр был лишен центра торможения [Абаев 1960: 98–99]. Идеи Марра после кратковременного успеха ушли из науки. Показательно, что перипетии общественного отношения к его главному критику никак не меняли оценок этих идей лингвистами.

Между взглядами вышеупомянутых критиков позитивизма в лингвистике (Г. Шухардта, К. Фосслера, Э. Кассирера, Н. Я. Марра), во многом различными, было нечто общее. Всех их не удовлетворяло пренебрежение теорией, узость подходов и во многом тематики у позитивистов, и их критика в целом была убедительной. Они в той или иной степени стремились к широкой постановке проблем, часто свойственной мыслителям более раннего времени. Эти проблемы были важными и серьезными, но выработать метод, позволявший подступиться к их решению, они не могли, иногда просто из-за отсутствия материала, иногда из-за трудностей в его систематизации. Возможны были два пути: либо ограничить свои задачи (изучение эргативности у Шухардта, индивидуальной стилистики у Фосслера и его школы), либо, как это часто делали в ранние эпохи, втискивать материал в рамки некоторых априорных и недоказуемых положений; этим сходились, казалось бы, совершенно различные Кассирер и Марр.

А в России конца XIX в. с критикой господствующей парадигмы выступили Н. В. Крушевский и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Современники могли замечать, в первую очередь, сходство их идей с младограмматическими подходами. Вот их оценка в энциклопедии тех лет в статье «Новограмматическая школа» (другое название младограмматической школы): «В России к Н. школе примыкает так называемая “казанская” школа лингвистов с проф. И. А. Бодуэном де Куртенэ и покойным Н. В. Крушевским во главе, основатель которой, И. А. Бодуэн де Куртенэ (см.), является, однако, вполне самостоятельным ученым, пришедшим, независимо от новограмматиков, к аналогичным научным принципам (...) В некоторых отношениях ученые этой школы представляют важные поправки и дополнения к учениям новограмматиков»³.

Однако идеи этих ученых, как особенно ясно стало позже, были не только «поправками и дополнениями», ср. в посмертной публикации Крушевского: «Что бы мы сказали о зоологе, который бы начал изучение своего предмета с животных ископаемых, с палеонтологии? Только изучение новых языков может способствовать открытию разнообразных законов языка, теперь неизвестных потому, что в языках мертвых их или совсем нельзя открыть, или гораздо труднее открыть, нежели в языках новых. Наконец, только изучение новых языков может установить взаимную связь между отдельными законами (...) Если, таким образом, естественнее начинать изучение лингвистики с языков новых, то, надеюсь, лишне доказывать, что предпочтение пред всяким другим новым языком должно быть отдано языку родному. Метод лингвистики, как и всякой другой науки, удобнее изучать на практике» [Крушевский 1893/1964: 289]. Отрыв позитивистской лингвистики от практики отмечался и другими ее критиками.

Можно отметить, что Крушевский спорит не только с исторической направленностью современной ему лингвистики, но и с ее эмпиризмом. Там избегались обобщения, а законы, как правило, понимались как формулы конкретных звуковых переходов в конкретных языках. Некоторое исключение, правда, и здесь составлял Г. Пауль, выделявший общие, действующие в разных языках законы семантических переходов (расширение значения, его сужение, метафора, метонимия).

³ Булич С. Новограмматическая школа. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 41. СПб., 1897, 265–268.

А Бодуэн де Куртенэ пошел еще дальше. Уже в 1870 г. он писал: «Для того чтобы представить внутреннюю историю языка в полном его развитии», необходимо «рассмотрение строя и состава теперешнего языка во всем его разнообразии» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 45]. Это уже отличалось от традиций университетской науки, отдававшей «рассмотрение строя и состава теперешнего языка» практикам. Затем в программе казанского курса 1877–1878 гг. им было введено важное разграничение: «Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка — динамика» [Там же, I: 110]. Важно не только «движение языка», но и его «равновесие», а «статика» — не чисто описательная дисциплина: ученый выделял, в частности, статические и динамические звуковые законы [Там же, I: 88]. И первична статика: «Перемены звуков обусловлены (...) статическими факторами» [Там же, I: 82]. Подход, отдающий преимущество современному языку, ученый предлагал вводить и в практику: «Утвердив в головах учеников сознательное отношение к живому языку данного времени, можно попытаться, с помощью аналогичных умозаключений, вводить их в изучение так называемой истории языка» [Там же, II: 134]. Но и у Бодуэна де Куртенэ сохранялась идея о том, что полностью язык может быть познан лишь в его истории. Вот формулировка 1897 г.: «В языке, как и вообще в природе, все живет. Все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики» [Там же, I: 349]. Здесь видно стремление к системному подходу. Начиная формироваться новая парадигма.

Постепенно разочарование в привычных идеях и методах стало всё более массовым. Впоследствии, когда новая парадигма утвердилась, иногда увлекались поисками предшественников идей Соссюра начиная с Й. Винтелера, гимназического учителя древних языков у А. Эйнштейна, и кончая будущим президентом Чехословакии Т. Масариком.

Но, разумеется, самой научно продуктивной оказалась парадигма, окончательно сформулированная Ф. де Соссюром, хотя вклад в ее формирование внесли и другие ученые, в том числе вышеупомянутые Крушевский и Бодуэн де Куртенэ, а также и прямой ученик Соссюра А. Сеше в ранней книге [Сеше 1908/2003].

История влияния Соссюра на науку XX и XXI вв. оказывается на самом деле довольно сложной. При жизни он после юношеской книги мало печатался, хотя через лекции оказал влияние на А. Мейе, А. Сеше и других видных ученых. После первой публикации его «Курса» в 1916 г. воздействие его идей почти столетие было исключительно связано с этой книгой, не раз переиздававшейся и переведенной на многие языки (о раннем «Мемуаре» все-таки вспомнили именно благодаря ей). Но в дальнейшем публикация его архива показала, что опубликованный текст «Курса» дает неполное представление о его взглядах, очень многое по разным причинам туда не вошло. Сейчас встречается и противоположная крайность: идеям, содержащимся в черновиках и письмах, придается едва ли не большее значение, чем концепции, повлиявшей на развитие мировой лингвистики XX в. Разумеется, надо учитывать всё.

Соссюр в том виде, в каком он предстает в «Курсе», воспринимался современниками и ближайшими потомками с положительным или отрицательным знаком, но исключительно как основатель структурной лингвистики, ученый, который, пусть не избежав противоречий, предложил строгую и последовательную концепцию, базировавшуюся на системном подходе к языку. В свете «Курса» воспринимался ранний его «Мемуар», где можно найти предвосхищение его ранних идей, что блестяще сделал А. А. Зализняк в предисловии к русскому изданию «Мемуара» 1977 г.

Однако путь ученого был более сложным, о чем подробно пишет Б. М. Гаспаров [2021 (в печати)], который в том числе приводит письмо Соссюра к А. Мейе от января 1894 г. [Lettres 1964: 95]. Перед этим он, уже опубликовав «Мемуар», совершил первую экспедицию в Литву для изучения исторической акцентологии литовского языка и там впервые столкнулся с массовым бесписьменным материалом. В письме он признается

в методологическом кризисе: неупорядоченный материал диалектов окончательно убедил его в невозможности позитивистского подхода, основанного на логическом упорядочении эмпирически наблюдаемых фактов. В последующие годы начинаются его черновые заметки о языке, которые в итоге привели к идеям «Курса», где Соссюр старался пересмотреть гносеологические основания науки о языке. Соссюр постарался отбросить эмпиризм и построить общую теорию: недаром у него мало фактических примеров. Это значительно отличалось от системы ценностей младограмматиков, где предпочтение отдавалось решению частных вопросов. Теория складывалась, безусловно, с большим трудом. Как известно, Соссюр не собирался публиковать свои идеи, поскольку они не были приведены в систему.

Соссюр ничего не смог сделать с языковым хаосом, о котором писал еще Гумбольдт (хотя отдавал себе отчет в его существовании, как это видно из черновых набросков), и выделил в «Курсе» среди этого хаоса постоянный устойчивый фрагмент, который назвал языком (*langue*). А всё остальное, весь хаос он отнес к сфере речи (*parole*). «Речь — сумма всего того, что говорят люди»; в ней «нет ничего, кроме суммы частных случаев» [Соссюр 1916/1977: 57]. Она «принципиально разнородна и не составляет единства» [Там же: 48]. Внешняя лингвистика «может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стесненной тисками системы» [Там же: 60–61]. Поэтому «мы займемся исключительно» лингвистикой языка [Там же: 58], встать на почву которого он призывал в своих лекциях. Хотя в планах курсов была тема «Лингвистика речи», но известно, что соответствующую лекцию он не прочел. Но для его последователей могло казаться, что для лингвиста нет ничего, заслуживающего внимания, кроме того, что Соссюр выделил как *langue*, а хаос не есть объект науки. Тем более что большая часть того, что традиционно исследовалось языковедами, действительно относилась к *langue*.

Безусловно, знакомство с черновиками Соссюра многое изменило в его понимании. Но всё же мировое его восприятие было основано на «Курсе». И пусть Ш. Балли и А. Сеше в чем-то внесли туда свои взгляды, но не подлежит сомнению то, что сам Соссюр сознательно изложил в «Курсе» концепцию, которая, расширяя объект лингвистики за счет синхронных исследований, одновременно значительно его сужала за счет прямого отказа от изучения *parole*: «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них» [Там же: 53]. Рассмотрение языковой деятельности человека во всей ее полноте, как я уже отмечал, не было возможно ни для науки времен Гумбольдта, ни для науки времен Соссюра, а Марр, поставив такую задачу, не смог ее решить. Соссюр же выделил лишь часть этой задачи, наиболее актуальную для того времени и включавшую в себя большинство традиционных лингвистических проблем (в том числе и исторических), в изучении которых можно было продвигаться вперед. Бывали, правда, и попытки изучать то, что Соссюр называл речью: А. Гардинер, К. Бюлер, тот же А. Сеше и другие. Но и у них речь шла не о хаосе и не обо всей речевой деятельности в ее полноте, а о наиболее регулярной и подчиняющейся правилам части *parole* («организованная речь», по Сеше). Пожалуй, наиболее далеко отстояла от изучения *langue* экспериментальная фонетика, но, как дальше будет показано, она не занимала большого места в структурализме.

Разумеется, предложенная Соссюром парадигма возникла не на пустом месте. Выше уже говорилось об идеях Крушевского и Бодуэна де Куртенэ. Ученик последнего даже мог считать: «Относительно прошумевшей последней книги де Соссюра можно уверенно утверждать, что в ней нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ» [Поливанов 1929/1968: 185]. Можно сказать, что это учение действительно было богаче идеями, чем концепция Соссюра: «Самыми глубокими из всех теорий были, вероятно, теории Крушевского и Бодуэна де Куртенэ, поскольку они включали в свои работы явно сравнительно-исторический компонент» [Greenberg 1979: 287]. Но именно эти «богатство» и «глубина» не были нужны в ближайшей перспективе. Выше приводились слова Бодуэна о «статике языка как частном случае его динамики». Близкой здесь была и точка зрения Сеше: «Дисциплины, относящиеся к состояниям языка

⟨...⟩, дают лишь частичное объяснение их предмета, необходимое, но само по себе недостаточное» [Сеше 1908/2003: 113].

Перспективным оказался путь построения синхронной лингвистики, который предложил Ф. де Соссюр. Он говорил, что лингвист «только отбросив прошлое, ⟨...⟩ может проникнуть в сознание говорящих. Вторжение истории может только сбить его с толку» [Соссюр 1916/1977: 115]. И так считали и структуралисты, которые признавали у Бодуэна чисто статическое понятие фонемы. В. Матезиус [1947/1960: 90] писал: «Бодуэн ⟨...⟩ создал понятие фонемы, принадлежащее к основам современной лингвистики. Однако он не смог из своей новаторской концепции сделать все выводы для лингвистического метода и лингвистической системы, ибо ⟨...⟩ слишком большое внимание уделял факту постоянного изменения в языке».

За идеями Соссюра было будущее уже потому, что по сравнению с концепциями его современников они были проще. Проще не столько в смысле простоты изложения (хотя и она присутствовала по сравнению, например, с Сеше; не надо забывать, что Соссюр готовил курс для студентов), сколько в смысле сведения изучаемых проблем к ограниченному числу параметров. «Ф. де Соссюр (скорее даже его последователи) изменил предмет исследований, причем сделано это было замечательным образом — простым проведением границ: вот синхрония, а вот — диахрония; это — язык, а это — речь» [Рахилина 2000: 343]. К строгости, конечно, стремились и младограмматики, но эта строгость распространялась на слишком узкий круг проблем. Теперь же четким выделением круга первоочередных проблем открывалась возможность изучать и многие (но далеко не все!) проблемы синхронной лингвистики. И, безусловно, в победе структурализма способствовал интеллектуальный климат эпохи. Структурализм как научный метод после Первой мировой войны получил большое распространение в различных науках, среди которых лингвистика была одной из первых. Давно известна, например, связь между лингвистическим структурализмом и формальной школой в литературоведении. У нас в обоих случаях в формировании новых подходов участвовали одни и те же лица: Р. О. Якобсон, Е. Д. Поливанов.

Границы лингвистики в структурализме одновременно расширялись и сужались. Расширялись они за счет отказа от обязательного историзма, а сужались за счет последовательного отделения языка, по Соссюру, от всего остального, в конечном счете от хаоса. По словам Ш. Балли, чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы», «он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [Балли 1913/2003: 39]. И Л. Блумфилд писал в 1936 г., что изучаемый лингвистами язык — «шум, производимый органами речи»; цит. по [Белый 2012: 14].

Об отличиях новой лингвистической парадигмы от прежних немало писали. Например, Брёндаль в 1939 г., когда уже можно было подводить некоторые итоги, выделял пять основных отличий. Во-первых, наука прошлого века исторична, современная наука, прежде всего, синхронна. Во-вторых, первая исходит из отдельных явлений, вторая выделяет структуры. В-третьих, первая была законополагающей, вторая говорит не столько о законах, сколько о моделях. В-четвертых, первая основывалась на индукции, вторая на дедукции. В-пятых, первая была эволюционной, вторая признает скачки [Брёндаль 1939/1960].

Чаще всего говорили о двух первых различиях. Больше всего разногласий вызвало, как известно, строгое разграничение синхронии и диахронии, которое не было принято даже некоторыми сторонниками Соссюра (например, Р. О. Шор), тогда как противопоставление языка и речи приняли почти все.

Однако были и некоторые различия старой и новой парадигмы, не упомянутые В. Брёндалем. Это хорошо видно на материале больше всего изученной в классическом структурализме области звуковой стороны языка. Как известно, там уже более столетия выделяются две дисциплины, которые Бодуэн де Куртенэ называл антропофоникой и психофонетикой,

но потом установились термины «фонетика» и «фонология». Первая дисциплина изучает всякие звуковые явления, а вторая — лишь лингвистически релевантные (представления о релевантности, конечно, могут различаться, но фонология в отличие от фонетики делает некоторый отбор изучаемого). Как выше отмечалось, фонетика сложилась в позитивистский период и с самого начала была экспериментальной, а становление фонологии началось у непосредственных предшественников структурализма, и она достигла расцвета в структурный период. В фонологии физические и физиологические признаки звуков становились все менее существенными, а главным объектом изучения стали отношения между фонемами. Фонетисты называли исследования фонологов «бумажными».

Яркий пример — известная книга А. А. Реформатского [1970] по истории фонологии. Хотя ее автор не раз говорит о единстве фонетики и фонологии, но в центре его внимания лишь история последней начиная с Бодуэна де Куртенэ, а об истории экспериментальной фонетики говорится лишь вскользь. Идеи тех из отечественных ученых, которые, как Л. В. Щерба, были одновременно фонетистами и фонологами, детально рассмотрены лишь в своей фонологической ипостаси. Среди зарубежных специалистов много сказано о далеких от экспериментов фонологах (пражцах, дескриптивистах) и очень мало — об английской школе фонетистов. А она была самой развитой в первой половине XX в. Г. Суит не упомянут, а Д. Джоунз выступает лишь как представитель неприемлемой для Реформатского фонологической концепции [Там же: 40]. Об игнорировании фонетистов-экспериментаторов учеными структуралистского периода (иногда по инерции и позже) упоминает и Е. В. Вельмезова [2014: 79].

Очевидно, что структурных фонологов не очень интересовал вопрос о физических свойствах коррелятов фонем. То есть второстепенным (или вообще несущественным) считалось, что происходит на самом деле, а это все-таки могло быть значимым для позитивистов. И это было важнейшей чертой структурной лингвистики. Нельзя, конечно, считать, что они имплицитно не использовали интуицию, но она часто считалась возмущающим фактором. Некоторые структуралисты, как Й. Коржинек, считали ошибочным учет языкового чутья как слишком примитивного.

Разумеется, победа структурализма, как до того победа позитивизма, не означала исчезновения других лингвистических парадигм. Не говорю уже об имевшей наибольший успех после Соссюра марровской парадигме. Но продолжало существовать, особенно в Германии, и гумбольдтианство, хотя в целом идеи Гумбольдта ушли в тень. Они еще были достаточно востребованы, в частности в нашей стране, до конца 1920-х гг. (что вообще характерно для кризисных эпох) [Алпатов 2010], но потом они стали восприниматься как устаревшие. И лишь тезис о правомерности сравнения неродственных языков развивался далеким от Гумбольдта Шухардтом, а позже Матезиусом, Реформатским и др. [Там же: 699–702].

Продолжала существовать и существует до сих пор (хотя потеряла свой привилегированный статус) и старая позитивистская парадигма, сосредоточенная на реконструкциях праязыков. Она за последнее столетие значительно расширила области исследования и уже далеко не сводится к индоевропеистике. Добавив в свой арсенал новые методы (внутреннюю реконструкцию, плоттохронологию), она по-прежнему основывалась на сформулированной еще А. Шлейхером теории, которая в основном сводится к положению о том, что языки расходятся, но не скрещиваются, несмотря на критику со стороны видных ученых разного времени; среди них были и Бодуэн де Куртенэ, и Сеше, и Трубецкой, и Поливанов. Они обращали внимание на недоказанность и априорность принятых в компаративистике аксиом. Например, Сеше [1908/2003: 43] писал: «Лингвистика фактов сумела самостоятельно пробиться к самым замечательным открытиям. Теоретическая наука лишь следовала за ней». В частности, это относилось к регулярности фонетических законов, не поддающейся «рациональному обоснованию», попытки сформулировать которое не увенчались успехом; «и если мы по-прежнему верим в плодотворность этого принципа, то потому, что он существует и приносит пользу, а совсем не потому, что мы его поняли». Если Сеше

говорил лишь о недоказанности принципа, то Бодуэн считал его ошибочным. Он писал, что концепция родословного древа «не выдерживает критики, так как, с одной стороны, исходит из предположения, что язык существует вне человека, а с другой, не учитывает сложности явлений языка», а отказ от нее оценивал как «освобождение от власти знахрей и филинов всех мастей, освобождение от различных предрассудков» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 7].

Однако какой бы теоретически шаткой эта концепция ни была, ни Бодуэн де Куртенэ, ни другие теоретики языка так и не сформулировали ей убедительной альтернативы. «Бесплодные в теоретическом отношении» младограмматики и их последователи, может быть именно по этой причине, не видели здесь проблемы и охватывали реконструкциями всё новые языковые семьи. Разработанные в XX в. новые методы также создавались эмпирически. Я помню, как в 1966 г. математик А. Д. Вентцель, преподававший на отделении структурной и прикладной лингвистики МГУ теорию вероятностей, посвятил одну из лекций анализу глоттохронологии и показал, что вся она строится на недоказанных и (по крайней мере, в наше время) недоказуемых основаниях. И ничего здесь не изменилось до сих пор. Мы имеем тот случай, когда «лингвистика фактов» уже два столетия опережает научную теорию. Разумеется, это не значит, что теория здесь в принципе невозможна. Известно, что С. А. Старостин в последние годы жизни думал об этом и общался с генетиками и другими естествоиспытателями. Но пока так. И это не единственный подобный случай в лингвистике. Идея о различиях флективных, агглютинативных и изолирующих (аморфных) языков была сформулирована братьями Шлегелями более двухсот лет назад; они дали ей объяснение («концепция стадий»), которое затем было оставлено, однако само различие, найденное эмпирически, осталось, а сейчас появились и новые попытки его объяснения.

И всё же и после установления господства структурной парадигмы были альтернативные программы. В нашей стране одна из них содержалась в книге В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (в разработке ее концепции, вероятно, участвовал М. М. Бахтин). Эта книга резко полемична по отношению к «абстрактному объективизму», к которому причисляется большинство существовавших тогда лингвистических направлений, а наиболее четким его выражением признается «Курс» Соссюра. В противовес этому используются идеи Гумбольдта в интерпретации К. Фосслера. Объективное существование языка в смысле Соссюра отрицается: он «является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом», это «продукт рефлексии над языком» [Волошинов 1928/1995: 281–282]. Он может быть полезен для практических целей (обучения языкам и толкования текстов), но абстрактная система «уводит нас прочь от живой становящейся реальности языка и его социальных функций» [Там же: 298]. Направление Гумбольдта — Фосслера признавалось более продуктивным, но его было необходимо дополнить изучением речевого общения и диалога. Предлагалось изучать «реальность языка» во всей полноте, но конкретных предложений того, как это сделать, не было. Книга после ее появления была быстро забыта, но ее вспомнили в 1970-е гг., когда господство структурной парадигмы стало заканчиваться.

«Великий кризис» языкознания в начале XX в. был преодолен. Из нескольких конкурирующих вариантов победила структурная парадигма в варианте Ф. де Соссюра. Однако и она, к середине века многим казавшаяся вечной, затем уступила свое центральное место иным парадигмам. Здесь не место обсуждать этот процесс в целом, но хочу лишь упомянуть два свойства науки о языке последних десятилетий, о которых писал А. Е. Кибрик [1983/1992: 19, 20]: «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен “на самом деле” (...). Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики». Первое свойство, мало характерное для языкознания XIX в., всё же могло проявляться и в позитивистской науке, не противореча ее принципам, но структурализм отошел от него. Второе свойство не было присуще ни позитивизму, ни структурализму, где устанавливались разные в двух случаях ограничения, и лишь сейчас делаются попытки максимально их снимать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1960 — Абаев В. И. Н. Я. Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти. *Вопросы языкознания*, 1960, 1: 90–99. [Abaev V. I. To the 25th anniversary of Nikolai Marr's death (1864–1934). *Voprosy Jazykoznanija*, 1960, 1: 90–99.]
- Алпатов 2010 — Алпатов В. М. Русский Гумбольдт. *В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова*. М.: Языки славянских культур, 2010, 687–714. [Alpatov V. M. Russian Humboldt. *V prostranstve yazyka i kul'tury. Zvuk, znak, smysl*. Collection of articles to the 70th anniversary of V. A. Vinogradov. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010, 687–714.]
- Балли 1913/2003 — Балли Ш. *Язык и жизнь*. М.: URSS, 2003. [Bally Ch. *Le langage et la vie*. Genève: Atar, 1913. Transl. into Russian.]
- Белый 2012 — Белый В. *Леонард Блумфилд*. Арад: Б. и., 2012. [Belyi V. *Leonard Blumfeld* [Leonard Bloomfield]. Arad: sine nomine, 2012.]
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I–II. М.: Наука, 1963. [Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannye raboty po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. I–II. Moscow: Nauka, 1963.]
- Бонфанте 1947/1964 — Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Звегинцев В. А. (ред.). Ч. I. М.: Учпедгиз, 1964, 336–357. [Bonfante G. The Neolinguistic position. *Language*, 1947, 23(4): 344–375. Transl. into Russian.]
- Брёндаль 1939/1960 — Брёндаль В. Структурная лингвистика. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Звегинцев В. А. (сост.). Ч. II. М.: Учпедгиз, 1960, 40–46. [Brøndal V. Linguistique structurale. *Acta Linguistica Hafniensia*, 1939, 1(1): 2–10. Transl. into Russian.]
- Вельмезова 2014 — Вельмезова Е. В. *История лингвистики в истории литературы*. М.: Индрик, 2014. [Vel'mezova E. V. *Istoriya lingvistiki v istorii literatury* [History of linguistics in the history of literature]. Moscow: Indrik, 2014.]
- Винокур 1925 — Винокур Г. О. *Культура языка. Очерки лингвистической технологии*. М.: Федерация, 1925. [Vinokur G. O. *Kul'tura yazyka. Ocherki lingvisticheskoi tekhnologii* [Culture of language. Sketches of linguistic technology]. Moscow: Federatsiya, 1925.]
- Волошинов 1928/1995 — Волошинов В. Марксизм и философия языка. *Философия и социология гуманитарных наук*. Волошинов В. СПб.: Аста-Пресс, 1995, 216–380. [Voloshinov V. Marxism and the philosophy of language. *Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk*. Voloshinov V. St. Petersburg: Asta-Press, 1995, 216–380.]
- Гаспаров 1996 — Гаспаров Б. М. *Язык. Память. Образ*. М.: Новое литературное обозрение, 1996. [Gasparov B. M. *Yazyk. Pamyat'. Obraz* [Language. Memory. Image]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 1996.]
- Гаспаров 2021 (в печати) — Гаспаров Б. М. Марр и Соссюр: сто лет спустя. *Вопросы языкознания*, 2021, 1 (в печати). [Gasparov B. M. Marr and Saussure: Hundred years after. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1 (in print).]
- Гумбольдт 1984 — фон Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. *Избранные труды по языкознанию*. Фон Гумбольдт В. М.: Прогресс, 1984, 37–298. [Von Humboldt W. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin: Königliche Akademie der Wissenschaften, 1836. Transl. into Russian.]
- Зализняк 1977 — Зализняк А. А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра. *Труды по языкознанию*. Де Соссюр Ф. М.: Прогресс, 1977, 289–301. [Zaliznyak A. A. On the Saussure's "Memoire". *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works in linguistics]. De Saussure F. Moscow: Progress, 1977, 289–301.]
- Кассирер 1923/2002 — Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. I: *Язык*. СПб.: Ун. книга, 2002. [Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen*. Bd. 1.: *Der Sprache*. Berlin: Bruno Cassirer, 1923. Transl. into Russian.]
- Кибрик 1983/1992 — Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. Кибрик А. Е. М.: МГУ, 1992. [Kibrik A. E. Linguistic postulates. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija*. Kibrik A. E. Moscow: Moscow State Univ., 1992.]
- Крушевский 1893/1964 — Крушевский Н. В. Предмет, деление и методы науки о языке. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. Звегинцев В. А. (сост.). М.: Учпедгиз,

- 1964, 284–289. [Kruszewski M. H. The object, subdivision, and methods of linguistics. *Russkii Filologicheskii Vestnik*, 1894, Vol. XXXI: 84–90.]
- Марр — Марр Н. Я. *Избранные труды*. Т. I–V. М.; Л.: АН СССР, 1933–1937. [Marr N. Ya. *Izbrannnye trudy* [Selected works]. Vol. I–V. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1933–1937.]
- Матезиус 1947/1960 — Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Звегинцев В. А. (сост.). Ч. II. М.: Учпедгиз, 1965, 86–91. [Mathesius V. Where we have arrived in linguistics. *Čeština a obecný jazykozpyt*. Mathesius V. Prague: Melant-rich, 1947. Transl. into Russian.]
- Остхоф, Бругман 1878/1964 — Остхоф Г., Бругман К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков». *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Звегинцев В. А. (сост.). Ч. I. М.: Учпедгиз, 1964, 187–199. [Osthoff H., Brugmann K. *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. Leipzig: S. Hirzel, 1890. Transl. into Russian.]
- Пауль 1880/1960 — Пауль Г. *Принципы истории языка*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. [Paul H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen: Niemeyer, 1880. Transl. into Russian.]
- Поливанов 1929/1968 — Поливанов Е. Д. *Статьи по общему языкознанию*. М.: Наука, 1968. [Polivanov E. D. *Stat'i po obshchemu yazykoznaniiyu* [Articles in general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Рахилина 2000 — Рахилина Е. В. *Когнитивный анализ предметных имен*. М.: Азбуконик, 2000. [Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen* [Cognitive analysis of object names]. Moscow: Azbukovnik, 2000.]
- Реформатский 1970 — Реформатский А. А. *Из истории отечественной фонологии*. М.: Наука, 1970. [Reformatskii A. A. *Iz istorii otechestvennoi fonologii* [From the history of Russian and Soviet phonology]. Moscow, Nauka, 1970.]
- Робинсон 2004 — Робинсон М. А. *Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов)*. М.: Индрик, 2004. [Robinson M. A. *Sud'by akademicheskoi elity. Otechestvennoe slavyanovedenie (1917 — nachalo 1930-kh godov)* [Destinies of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 — beginning of 1930s)]. Moscow: Indrik, 2004.]
- Сеше 1908/2003 — Сеше А. *Программа и методы теоретической лингвистики*. М.: URSS, 2003. [Séchehaye A. *Programme et méthodes de la linguistique théorique*. Paris: Honoré Champion, 1908. Transl. into Russian.]
- Соссюр 1916/1977 — де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. *Труды по языкознанию*. Де Соссюр Ф. М.: Прогресс, 1977, 31–273. [De Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916. Transl. into Russian.]
- Стеколыщикова 2020 — Стеколыщикова И. В. *Натуралистическая концепция языка в языкознании XIX века: общее и специфическое*. Дис. ... докт. филол. наук. Мытищи: Московский гос. обл. ун-т, 2020. [Stekol'shchikova I. V. *Naturalisticheskaya kontseptsiya yazyka v yazykoznanii XIX veka: obshchee i spetsificheskoe* [Naturalistic conceptions of language in linguistics of the 19th century: Common and specific]. Ph.D. diss. Mytishchi: Moscow Region State Univ., 2020.]
- Томсен 1902/1938 — Томсен В. *История языкознания до конца XIX века*. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938. [Thomsen V. *Sprogvidenskabens Historie* [History of linguistics]. København: Universitetsboghandler G. E. C. Gad, 1902. Transl. into Russian.]
- Фосслер 1904/1964 — Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Звегинцев В. А. Ч. I. М.: Учпедгиз, 1964, 324–335. [Vossler K. *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1904. Transl. into Russian.]
- Шухардт 1885/1964 — Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Звегинцев В. А. Ч. I. М.: Учпедгиз, 1964, 304–323. [Schuchardt H. Selected articles in linguistics. Transl. into Russian. *Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Part 1. Zvegintsev V. A. (comp.). Moscow: Uchpedgiz, 1964, 304–323.]
- Greenberg 1979 — Greenberg J. Rethinking linguistics diachronically. *Language*, 1979, 2(55): 275–290.
- Lettres 1964 — Lettres de Ferdinand de Saussure à Antoine Meillet, publiés par Emile Benveniste. *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 1964, 21.
- Thomas 1957 — Thomas L. L. *The linguistic theories of N. Ya. Marr*. Berkeley: Univ. of California Press, 1957.